

**Отдел истории культуры славянских народов
с 25 по 27 сентября 2012 года
проводит международную научную конференцию
«Проблема гибрида в культуре славянских народов»**

Темы и аннотации

Алексеева Г.В. (Владивосток)

Изоморфизм средств выразительности: ядро синтеза и ключ адаптации византийской певческой традиции на русской почве

Адаптация византийской певческой традиции в древней Руси проходила путем «приспособления» переведенных текстов к певческим моделям Византии. Механизмы адаптации «проглядывают» через терминологическую базу учебных азбук. Этимология названия формулы, как византийская, так и русская, была изоморфна характеру распева и «горнему» смыслу пропеваемого текста. Тройственный изоморфизм: этимология термина + характер распева + содержание текста - обеспечивал синтез элементов православной певческой традиции в богослужебном действе. Память византийской традиции «работала» в русской терминологии в процессе передачи певческого наследия и генерации нового качества. В азбуках XVII века сохранились рудименты названий интонационных моделей, по которым шло обучение русских певчих выходцами из Византии.

Баги И. (Сегед)

«Гибриды» у Б. Пильняка: человек-волк и человек-машина

В художественных образах романа Б. Пильняка «Машины и волки» (1925) представлены две основные модели человеческого существования после «трансцендентальной катастрофы» революции. Эти две модели намечают перспективы России в историософском и онтологическом аспекте. В то время, как образ «человека-волка» соотнесен с мифологическими представлениями об «оборотне» и включается в идейную систему романа на уровне мотивов, демонстрирующих органичность существования, «человек-машина» становится представителем цивилизационного переворота, касающегося и метафизических основ бытия. Оппозиция «машины – волки» организует также сюжетное построение романа, в открытой структуре которого переплетаются разные модели и вырисовывается образ «человека-гибрида», нуждающегося в прочной физической и метафизической обоснованности своего существования.

Белова О.В. (Москва)

Псоглавец как герой фольклора и современного литературного мифа

В докладе анализируются основные черты образа псоглавца (демонического антропозооморфного существа) как персонажа славянских книжных и фольклорных легенд и поверий, с одной стороны, и как героя современного романа (построенного на соединении фольклорных, литературных, житийных, иконографических и др. мотивов), с другой. Текстологическое сравнение показывает, как в романе А. Маврина «Псоглавцы» (2011) трансформируются сюжеты, связанные в русской культуре с псоглавцами (в частности, легенда о св. мч. Христофоре), переосмысляются функции этого демонологического персонажа и формируется новый литературный миф, объединяющий в себе архаические мотивы с мотивами триллера, городской легенды и иными нарративами жанра «хоррор» («ужастика»).

Бенчич Ж. (Загреб)

Гибридизация персонажа: *Зал поющих кариатид* В. Пелевина

Понятие гибридности в данной статье мы используем как основные интерпретативные рамки рассказа В.Пелевина *Зал поющих кариатид* (2008), с учетом того, что писатель во всех фазах своего творчества проявляет одинаково большой интерес к героям с гибридной идентичностью (ср. *Жизнь насекомых*, 1993; *Проблема верволка в средней полосе*, 1995; *Священная книга оборотня*, 2007;). Метаморфозу главной героини Лены в существо с принципиально несоединимыми особенностями человека и насекомого (богомолы) мы интерпретируем как результат гибридации персонажа, в процессе которой из гетерогенных источников создается новый энтитет с противоречивыми следами своих предшественников. Гибридизацию персонажа мы также понимаем как процесс, посредством которого дестабилизируется и расщепляется «внутреннее» субъективное пространство главной героини и вообще подрывается любая идея личности как монолитной и неизменной целостности.

Гибридных персонажей в прозе Пелевина мы будем рассматривать, с одной стороны, в контексте склонности писателя к необарочной поэтике (принятие принципа *concordiadiscors*, восхищение монструозным и чудовищным, мировоззренческий пессимизм, вызванный ощущением эфемерности и иллюзорности жизни и т.п.). С другой стороны, мы попытаемся показать, что гибридную персонажа в рассказе *Зал поющих кариатид* можно трактовать и как результат влияния негативной антропологии Пелевина,

исходящей, по-видимому, из идей Ницше, что человек есть нечто, что должно быть преодолено.

Бобрык Р. (Седльце)

Кентавры в польской поэзии XX века

Поэты и художники модернизма проявляли особую склонность вводить в мир своих произведений разного рода гибридные персонажи античной культуры (типа: химера, горгона, кентавр, Пегас). Наиболее «привлекательным» среди этих персонажей для литературы позднейших художественных формаций является, по всей видимости, кентавр. Если в сонете модернистского поэта Луциана Ридла [Lucjan Rydel] *Centaur i kobieta* [*Кентавр и женщина*] обращается внимание только на эротизм и дикость кентавра, то в поэзии периода после второй мировой войны (например в творчестве Станислава Гроховьняка или Ярослава Марка Рымкевича) кентавр/кентавря является метафорой всего человечества.

Бобилевич Г. (Варшава)

Гибридные коды и формы арт-бука

В статье рассматриваются разнородные типы осмысления и художественной конкретизации гибридных кодов и форм в книге художника (арт-бук). Они детерминированы интермедийностью, контекстуальностью, особенностями изобразительной и словесной систем, интерактивным механизмом процесса рецепции. Принцип гибридности (неконвенциональное смешивание) функционален на уровне: жанров, концептов, техник, материалов, альтернативных структур, художественных приемов. Учитываются и функции гибридной формы арт-бук (коммуникативная, культурная, семантическая и эстетическая).

Войводич Я. (Загреб)

Гибриды повседневной жизни и их проявления в современной прозе.

Понятие «гибридизации», обозначающее скрещивание организмов, отличающихся наследственностью (в биологии) или специфическое взаимодействие орбит атомов в молекулах (в химии), употребляется также в культурологии, антропологии (шире – социологии, напр., Canclini, *Hybrid Cultures*) и теории литературы (напр., Бахтин, *Слово в романе*; Grassian, *Hybrid Fictions*). Мы считаем, что гибридизация представляет отдельные, самостоятельные структуры или поступки, которые в определенных ситуациях комбинируются, чтобы создать новые структуры или поступки. В повседневной жизни

современного глобализированного общества проявляются многие элементы гибридизации, которые открыто показываются и в современной прозе. В докладе мы попытаемся показать современные процессы гибридизации жизни (мультинациональные компании, современный язык, городская культура и т.п.) в романном мире Сергея Минаева: «Духless», «Повесть о ненастоящем человеке»; «Media Sapiens», «Повесть о третьем сроке» и др.).

Гудац В. (Риека)

Гибриды-псевдоморфозы

В докладе рассматриваются случаи гибридов-псевдоморфоз времени, предшествующем христианству и на переходе к христианству, а также из современного хорватского искусства и визуальной культуры в целом.

Габриэлян (Москва)

От «изоморфизмов» к гибридным формам. Живопись Роберта Кондахсазова (1937-2000).

Возникновение гибридных форм в живописи Р.Кондахсазова является логическим следствием основной визуальной стратегии, которую художник разрабатывал на протяжении всей своей творческой жизни. Эта стратегия заключалась в выявлении пластического изоморфизма объектов, традиционно воспринимаемых как различные. Например, сходства чашечки цветка с гайкой, а его стебля – с болтом, рыбы – с дирижаблем, спиралевидной ракушки – с элементом женской прически и т.д. Такой подход позволил художнику углубиться в пластическую морфологию материального мира (органического и неорганического, природного и рукотворного) и выявить некие первичные формы, которые входят в состав более сложных форм (растений, животных, людей, технических устройств и т.п.). Это побудило его к созданию гибридных изображений, которые условно можно разделить на четыре группы: 1) гибридные существа традиционных мифов (например, кентавры); 2) образы, зияющие на сопряжении антиномий (например, художник в образе крылатого черта); 3) биотехнические гибриды, т.е. изображения антропоморфных существ, в которых биологические формы соединены с частями механизмов и «расписаны» техническими схемами; 4) гибридные визуальные тексты - объединение символов и знаков из разных систем (например, египетских иероглифов, технических символов и простейших геометрических фигур) в общей абстрактной композиции. «Гибриды» Кондахсазова

являют собой визуальные метафоры, выражающие взгляды художника на связь между эволюцией форм и техническим прогрессом.

Гура А.(Москва)

О трансформации сакрального текста в фольклоре (Въезд Христа в Иерусалим и вариант балканской легенды о свадьбе Солнца)

Балканско-балтийский сюжет об отмене свадьбы Солнца (прежде всего в его восточносербских и болгарских вариантах) представляет собой еще одну версию известного мифологического сюжета — фольклорную, наряду с двумя другими: с сакральной (представленной библейскими рассказами о въезде Христа в Иерусалим и о валаамской ослице) и со светско-литературной (в древнеримском эротическом романе Апулея «Золотой осел» и в греческом романе без автора «Лукий и осел»). В основе всех трех параллельных версий лежит один и тот же древний солярный миф.

Гюнтер Х. (Билефельд)

Большой город в русской культуре – свое и/или чужое

Основание Санкт-Петербурга Петром Первым для одних было [долгожданным](#) открытием окна в Европу, для других – катастрофическим вторжением чужой культуры. О двойственности оценки Петербурга говорит т.н. петербургский текст. Но дискурс о большом городе оказывается шире. В истории русской мысли и литературы споры об урбанизме и антиурбанизме занимают исключительное место – в противопоставлении Москвы и Петербурга, в творчестве русских классиков от Пушкина до Достоевского и Толстого, в прозе и поэзии русского символизма и авангарда начала XX века. Небезынтересно проследить и соответствующие параллели в немецкой культуре, где можно наблюдать сходные явления.

Друбек Н. (Регенсбург)

Гибридизация языков в концлагере Theresienstadt (1942–1945).

В оккупированной Чехословакии в 1941 году город Terezín был превращен в так называемое «гетто» Theresienstadt. В бывшую габсбургскую крепость национал-социалисты свезли евреев, проживавших, главным образом, в Богемии, Германии и Австрии. За четыре года своего существования в этом лагере возник жаргон: гибрид из немецкого и чешского языков. Он был описан бывшим жителем «гетто» Г.Х. Адлером (Theresienstadt 1941-1945. Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft, 1955).

Интересно, что идентичность по признаку языковой принадлежности в этом лагере превалировала над этнической, национальной или религиозной. Носители чешского языка чувствовали отвращение к немецкому языку, не зависимо от того, кто на нем говорил – заключенный или эсэовец. Ведь по-немецки между собой могли общаться и еврейские жители «гетто»: бывший гражданин Чехословакии с бывшим гражданином Германского Рейха. Эти два языка боролись друг с другом. Несмотря на такого рода неприязнь, можно заметить, что недобровольные контакты и гибридизация языков на самом деле процветали. Так, все жильцы «гетто» употребляли такие (часто в ироническом значении) слова, как Ahojista, берушка, kumbál, polička, Srat (=Ältestenrat) или zícha (от слова ‚siech‘) для тех людей, которые в других лагерях назывались «мусульманами». Некоторые из слов представляют собой богемизированную форму немецкого слова; другие являются богемизмами в (немецком) языке лагеря. Дискриминация языков продолжалась и после освобождения Чехословакии Красной Армией. В мае–июне 1945 года говорить по-немецки на территории бывшего «протектората» было опасно. В докладе ставится проблема: в какой мере обращение к народному языку выступает как этическая позиция. Если говорить по-чешски на оккупированной территории являлось патриотическим актом, что в такой системе ценностей представляет собой гибридный жаргон лагеря?

Злыднева Н.В. (Москва)

Границы изобразительного гибрида: к проблеме референции

Природа визуального знака и коды культуры, в рамках которых значение реализуется, накладывает ограничения на казалось бы неограниченное буйство фантазий авторов гибридных изображений. В докладе на основе классификации внешних (мифологические представления, литературная практика, тип культуры) и внутренних (законы формообразования и зрительного восприятия) факторов предпринимается попытка определения механизмов порождения гибридных (и в целом фантастических) изображений с точки зрения их референций, что позволяет коснуться проблемы модальности истинное/неистинное применительно к изобразительному искусству. Рассуждения основаны на материале русской живописи 18-20 веков, а также славянском фольклоре.

Ичин К. (Белград)

Радикальная критика разума: гибрид у А. Введенского

В разговорах с Л. Липавским Введенский утверждал, что он провел более радикальную критику разума, чем Кант. Если философ(ы) говорил(и), что жизнь –

мгновение по отношению к вечности, Введенский говорил, что она мгновение по отношению ко мгновению. Из этого следовало, что познание мира возможно тавтологическим методом, наблюдая за бесконечно малыми себе подобными единицами, без привлечения другой референтной системы. С другой стороны, это означало, что существующий логический, причинно-следственный мир подлежит рассмотрению. В таком мире «четверка» и «плечо» могут составить одно логическое целое. Об этих понятийных гибридах в творчестве Введенского и пойдет речь в докладе.

Ильина Г.Я. (Москва)

Жанрово-стилевой гибрид в переходные литературные эпохи в Хорватии (вторая половина XIX – XX вв.)

Начиная с Национального возрождения в Хорватии, импульсы, шедшие в нее из более развитых европейских литератур, способствовали не замене уже существовавших направлений, течений и стилей на новые художественные явления, а вызывали переплетение, смешение и сосуществование старого и нового, а если и борьбу между ними, то не антагонистическую. В результате на национальной почве рождались своеобразные гибридные жанровые и стилевые формы, и на их основе шло дальнейшее литературное развитие.

Коваль О.В. (Львов)

Семиотическая гибридикация и визуально-вербальный синтез в искусстве XX – XXI вв.

В докладе затрагивается вопрос об участии естественного языка и семиотики, построенной на его основе в организации структуры визуального текста. Такое участие формулируется как частный случай абстрактной семиотики живописи в ее соотношении с семиотикой языка, соответственно – построение живописного/визуального текста на ее основе. Абстрактная семиотика живописи (в центре процессов абстрагирования лежат чисто живописные процессы) лежит в одной и той же плоскости, что и абстрактная семиотика языка (таковой принято считать семиотику, имеющую содержанием абстрактные отношения языкового типа, реализующиеся в плоскости знаковых отношений, правил их построения, сложности, эквивалентности, рекурсии и сериации знаков, минимализации как принципа их порождения).

Более того, эта метаморфическая соотнесенность двух семиотик не уподобляет одну другой, а как бы находится в моделирующих отношениях друг к другу. Почти вслед М. Баксандаглу, толкования и оценка живописно-художественных форм рассматриваются

автором как специфический лингвистический факт, радирующий в сторону полилингвизма художественной практики, гибридизации ее морфологической формы, последовательной атомизации и метонимичности. В оборот исследовательского материала включены материалы американской экспрессионистской абстракции, новой фигуративности, атомарной живописи и форм современной визуальной практики европейского и украинского искусства: от Ньюмана, Ротко, Бэкона до парафрастической живописной и визуальной практики А. Соломухи, С. Каменного, А. Ройтбурга и И. Кабакова.

Семиотический тип визуально-вербального текста определен как диаграмматическая метонимия, реализующая степень абстрагируемости изобразительной формы в ее соотношении с естественно-языковой абстракцией и семиозисом.

Королькова П.В. (Москва)

Босния в путевых очерках хорватских писателей XIX – XX вв.: гибридный хронотоп в гибридном жанре.

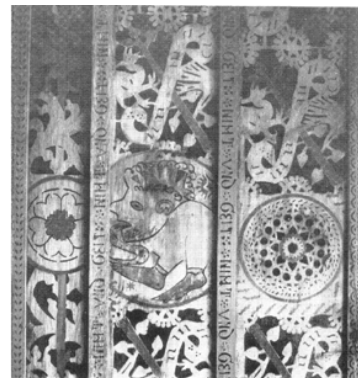
Путевой очерк – жанр, находящийся на границе художественной и публицистической литературы, средства которого позволяют рассказчику примерять маску то философа, то экскурсовода, то журналиста, то проповедника. Чаще всего путевые очерки посвящены экзотическим землям, и для многих хорватских авторов (И. Кукулевича Сакцинского, М. Мажуранича, М. Кумиича, Я. Трухелки, А. Густава Матоша и др.) таким пространством становится Босния – «своя» «чужая» земля.

Крашовец Д. (Любляна)

«Гибридизация» в Словении XVI-ого века как художественное явление, предшествующее созданию словенского литературного языка

В начале XVI века в произведениях изобразительного искусства, созданных на территории Словении (в то время Внутренняя Австрия), мы встречаем несколько существ гибридного характера. В течение долгого времени в научной литературе они описываются при помощи имен античной мифологии, вопрос же о том, как их называли в свое время, никем не ставится. Речь не идет лишь о существах, заимствованных из других культур (соседних или античной), поскольку словенские художники делают попытку создать свой собственный художественный язык на базе собственного культурного фонда. По сути дела, одновременно с созданием данных гибридов идет разработка новой художественной грамматики, предшествующей формированию словенского литературного языка.

Детально анализируя гибриды в изобразительном искусстве Словении, мы можем проследить, каким точно является этот процесс гибридизации, трансформирующий интеллектуальные структуры, результат которого – создание своей собственной культуры в ходе ассимиляции элементов других культур (итальянской, германской, античной).

Примеры:

Деталь камина в здании Люблянской епископии (ок. 1512)

Деталь потолка церкви Mallestig (ок.1510)

Кукуй И. (Мюнхен)

Гибридные формы в творчестве Велимира Хлебникова (на примере сверхповести «Зангези»).

Даже в богатом на гибридные формы фоне наследия русских кубофутуристов творчество Велимира Хлебникова представляет собой уникальное явление. Его текстам свойственна «повышенная валентность»: они существенно расширяют наши представления не только о жанровых, выразительных и языковых возможностях литературы, но и о границах художественного и научного метода познания мира. Попытка Хлебникова выйти за рамки существовавшего канона и создать новую синтетическую форму будет проанализирована на примере сверхповести «Зангези» – во многих отношениях итогового текста поэта, в котором гибридность присутствует буквально на всех уровнях, начиная с монтажного принципа его создания, заявленного жанрового своеобразия («зодчество из „рассказов“») и, конечно, соположения многочисленных (пара)научных элементов, составляющих квинтэссенцию философии творчества Хлебникова.

Куренная Н.М. (Москва)

Проза Якуба Коласа в свете теории М. Бахтина о литературных гибридах

В сообщении рассматриваются очерченные Бахтиным типы смешанных литературных форм на примере прозаических произведений классика белорусской литературы, его повестей, притч, сказок.

В.Лепяхин (Сегеде)

Иконы-гибриды. О ложных, кощунственных, отступных, «адописных» и демонических изображениях в русской литературе

Доклад посвящен описанию в литературе различных сакральных изображений, в которых христианское тайно или явно комбинируется с языческим, еретическим или демоническим. Проблема рассматривается на широком материале византийской, древнерусской и русской литературы XIX века: от жития константинопольского патриарха Геннадия до творчества Н. Лескова.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва)

Межъязыковой каламбур в поэтике Осипа Мандельштама

Доклад будет посвящен проблеме лингвистических подтекстов (или так называемых межъязыковых каламбуров) в поэзии Осипа Мандельштама и реконструкции представлений поэта о языке, обусловивших актуализацию данного приема в поэтике «позднего» Мандельштама.

Лескинен М.В. (Москва)

Категория «народности» Н.И. Надеждина: от романтических идеалов «нации» к позитивистской иерархии этничности.

Эволюция представлений о народности в русской философии и общественной мысли первой трети XIX века тесно связана с процессом восприятия и адаптации концепций немецкой романтической философии и французских идеалов нации (Белинский, Полевой, Уваров и др.). Вначале «народность» понималась как предшествующий нации этап складывания коллективной идентичности, с акцентом на низовых (в социальном отношении) формах ее воплощения и выражения. Своеобразным «итогом» этой фазы интерпретации «народности», (в которой сочинения Надеждина занимали ведущее место) стала «уваровская триада» – идеологема «православие, самодержавие, народность».

Новый период трактовки термина был связан с необходимостью научно зафиксировать и изучить этнонациональную специфику русской культуры в ее «исконных» (традиционных) нормах и обликах. Он совпал с кризисом в жизни Н.И.

Надеждина (заккрытие журнала и ссылка), во время которого он обратился к этнографическим и географическим исследованиям, завершившимся созданием масштабной программы изучения русского народа. Работа Надеждина в отделении этнографии Русского географического общества позволила ему сделать эту программу базовой и универсальной для всех народов России вплоть до конца XIX столетия. На этом этапе «народность» – благодаря Надеждину – стала нормативным понятием формирующегося предметного поля этнографической науки, синонимичным современному понятию «этничности». Однако в это же время термин «народность» постепенно начинает использоваться в качестве таксономической номинации этнической общности, и именно в этом значении он «переходит» в научный лексикон XX века (советская концепция «племя - народность - нация»).

Таким образом, категория «народности» на протяжении столетия трансформируется: из прямого заимствования из европейского дискурса нации она преобразуется, встраиваясь в новый исторический контекст, демонстрируя при этом возможности широкой адаптации к политическим и идеологическим запросам общества. Многозначность лексемы «народ» позволяет сформировать богатый спектр инвариантов, одним из которых становится народность как этничность.

Мурашов Ю. (Констанц)

Тема доклада будет объявлена дополнительно

Надеждина Е. (Москва)

Трансформации чешской типографики «поэтизма»

В докладе предполагается рассмотреть на примерах типографского оформления изданий участников чешского авангардного движения 1920-х гг. , *поэтизма*, опыты по созданию нового оптического языка. Подвижная внутренняя структура рассматриваемых произведений, использующая различные категории знаков (икон, индексов, символов, в соответствии с классификацией Пирса) и их постоянную перегруппировку, а также отмеченный выше дуализм функционального и иррационального начал, привели к появлению гораздо более гибкого универсального языка, чем это можно видеть на классических образцах советской или немецкой типографики тех лет.

Осиньска К. (Варшава)

**От биомеханики Всеволода Мейерхольда до био-объектов Тадеуша Кантора.
Гибриды в актерстве XX века**

«Биомеханика» – термин введенный Мейерхольдом в театральную практику в начале 1920-х годов означал, по словам режиссера, стремление «экспериментальным путем установить законы движения актера на сценической площадке, прорабатывая на основе норм поведения человека тренировочные упражнения игры актера». Мейерхольдовская биомеханика заключала в себе главные идеи авангардного театра (и искусства в целом) начала XX века, в особенности конструктивистского толка. Одним из понятий театрального словаря Тадеуша Кантора, представителя авангарда второй половины XX века, стал «био-объект». Таким названием польский режиссер определял актера соединенного с предметом. Прикрепление к телу актера обыденных предметов (как стул) или искусственных конечностей, вело к созданию нового, гибридного тела. В отличие от натренированного тела, действующего по образцу машины, тело канторовского актера отличалось нестабильностью, неустойчивостью. Анализ этих двух гибридных понятий, созданных авангардными художниками начала XX века и второй его половины, позволяет лучше понять суть изменений, которые произошли в театре XX века, в основном по отношению к телесности актера.

Перушко И. (Загреб)

О людях и зверях, или соединение (не)соединимого.

В докладе обсуждается проблема гибридной идентичности и самосознания у чудовищных мутантов (*человеко-зверей*), сформированных в фантастических сочинениях Михаила Булгакова и Виктора Пелевина. Речь преимущественно идет о сатирической повести Булгакова *Собачье сердце* и антиутопической повести *Проблемы верволка в средней полосе* Пелевина. В центре внимания доклада – сравнительный анализ двух образов гибридного существа (*человеко-собаки* и *человеко-волка*) в повестях Булгакова и Пелевина, а также анализ двух типов самоопределения личности не только в литературном контексте, но и в социально-культурной среде.

Поляков Д. К. (Москва)

Языковая картина мира обитателей славянского пограничья: к проблеме гибридности

В центре внимания докладчика – следующие проблемы:

– славянское пограничье (расширительное толкование – зона языковых и культурных контактов между славянскими народами, герп. славянскими и неславянскими народами);

– языковая картина мира: целостность или мозаичность? Проблема построения и трактовки ЯКМ обитателей пограничья как принадлежащих одновременно к нескольким языковым и культурным пространствам.

Свирида И.И. (Москва)

Вещь как гибрид

В докладе будет рассмотрен вопрос гибридизации вещи в аспекте изменений ее функциональности, семантики, а также образа.

Сёке К. (Сегед)

Проблема гибридизации жанра: об автобиографичности прозы Михаила Кузмина

Литературный жанр никогда не был однородным явлением, для его исторического развития всегда была характерна определенная степень «гибридации», как об этом свидетельствует теория М. Бахтина о «памяти жанра». В русской литературе конца XIX и начала XX веков умножаются эксперименты в области жанра, которые тесно связаны с концепцией синтеза искусств. Автобиографический нарратив, основанный на исповедальности, подвергается также значительным изменениям. В прозе Кузмина, имеющей сложное стилизаторское начало, переосмысляются жанровые особенности романа о прототипах, философского трактата, бытоописания и т.д. В моем докладе я прослеживаю процесс гибридизации жанра в повести *Крылья*, в результате чего автобиографичность превращается в капризную игру коммуникативных масок и на уровне цитатности, и на уровне аналогий с изобразительным искусством.

Семенова А.В. (Москва)

Гибридные формы в кашубской литературе и в кашубском языке

Кашубская культура, развиваясь на стыке славянского и германского миров, пребывая в постоянном поиске своей идентичности между уровнем региональным и самостоятельным в лингвокультурном отношении, представляет собой яркий пример живого и постоянно перерождающегося «организма». Не только филологи и культурологи, но также историки и социологи отмечают, что кашубская идентичность и культура *гибридны* по определению (ср. Mazurek M. W poszukiwaniu tożsamości. Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie w oczach socjologa. Gdańsk, 2009).

В докладе анализируются художественные и языковые особенности кашубской литературы, демонстрирующие ее «срединный» характер, для которого свойственны

различные сочетания свойств общепольской и немецкой культуры с чертами, составляющими своеобразие кашубского «текста».

Соливетти К. (Рим)

Гибридность жанров у Хлебникова:сверхобряд

Доклад представляет собой продолжение разработки темы «смешанных жанровых образований» в творчестве Хлебникова, рассмотренной автором на основе текстов «Учитель и ученик» («Анализ затекстовых и полижанровых плоскостей») и «Зангези» («Сверхповесть «Зангези» как гипертекст»). [К.Соливетти, «Учитель и ученик» Хлебникова: анализ затекстовых и полижанровых плоскостей как средство изучения отношений автора с его персонажами.//Карла Соливетти, Автор и его зеркала. Алетейя, СПб., 2004, 141 – 172; Carla Solivetti, Сверх-повесть «Зангези» как гипертекст. Опыт нового прочтения. //Subrosa. Budapest, 2005, С. 527 – 537]. Доклад сосредоточен на описании полижанровых особенностей текста «Дети Выдры», исследование которых принимает во внимание работы, в частности, Х.Барана, Р.Дуганов, Н.Перцовой, Н.Степанов, С.Флакера.

Софронова Л.А. (Москва)

Человек-медведь при дворе польского короля

Для эпохи барокко характерны смешанные и гибридные художественные формы, но не только. Их существенно дополняют живописные и скульптурные изображения гибридных мифологических персонажей, природу которых определяет оппозиция человек/не-человек. Появляются они на сцене и в литературе. Обнаруживаются подобные персонажи и «в жизни», о чем свидетельствуют барочные энциклопедии и эго-документы. Эти свидетельства целесообразно рассматривать сквозь призму народной славянской мифологии в опоре на оппозицию достоверность/недостоверность, значимую для восприятия народных мифологических рассказов.

В докладе анализируется рассказ из «Записок» Я. Х. Пасека. Автор, он же рассказчик, выступает наблюдателем. Описывает внешний облик человека-медведя и его поведение. Предлагаются варианты его происхождения.

Старикова Н.Н. (Москва)

Парадигма словенского исторического романа. К проблеме типологии жанра.

В докладе на материале словенской литературы исторический роман будет рассмотрен как жанр, латентно предрасположенный к взаимодействию с другими типами

прозы, и, вследствие этого, часто образующий новые жанровые и стилевые модификации, некоторые из которых можно охарактеризовать как гибридные.

Тарасов О.Ю. (Москва)

Прототип и оригинал: К вопросу о трансформациях в древнерусской иконе.

Древнерусская икона начинает восприниматься как «шедевр», то есть как уникальная художественная форма и произведение свободного искусства, только с начала XX века. До это она выполняла в культуре совсем другую роль.

Средневековая икона как знаковая система представляет собой исторически обусловленную систему конвенций. С этой точки зрения ее восприятие отражает ситуацию «диалога» или исторически обусловленную встречу взгляда художника и взгляда зрителя, в результате которой и рождается образ. Этот «диалог» отражает и систему ценностных ориентаций той или иной эпохи.

Средневековый канон как «прототип» а priori обладал объективным значением. И искусство средневекового иконописца предполагало знание объективных правил ремесла, а не творческое воображение, поскольку его «ремесленный шедевр» исключал замысел как принципиально новое решение поставленной задачи. Древнерусская икона как культовый образ представляла собой богословский идеал небесной красоты, а ее сила (согласно средневековой системе представлений), – это дар Божий. Отсюда ее оригинальная живописная поверхность не представляла никакой ценности и на протяжении веков могла быть переписана множество раз. Важен был лишь перевод древней схемы.

В начале XX века в результате применения новых методов реставрации открывается, наконец, подлинная живописная поверхность древней иконы, а сама она в контексте немецкой формальной школы начинает рассматриваться как произведение свободного искусства по аналогии с живописью итальянского Ренессанса. Однако последние исследования показывают, что приемы «антикварной реставрации» начала XX века допускали всевозможные трансформации и «гибридные формы», которые не столько репродуцировали реальность, сколько пытались ее улучшить. В этой ситуации исторический «оригинал» ловко ускользал от специалистов, поскольку, по сути, представлял собой не что иное, как исторически обусловленную систему конвенций между реставратором, исследователем и коллекционером.

Ужаревич Й. (Загреб)

Проблема гибридности в литературном минимализме.

На примерах самых маленьких литературных форм (в первую очередь двусловий, трехсловий и четырехсловий) будет сделана попытка продемонстрировать необходимость соединения в словесном искусстве, по крайней мере, двух качественно разных элементов/аспектов. Идет ли здесь речь о гибридизации или о каком-нибудь другом механизме – покажет анализ разных случаев сочетания несочетаемых, противоположных или просто взаимно отдаленных элементов, создающих художественную целостность («мир») миниатюрных произведений.

Фарыно Е. (Варшава)

Тема доклада будет объявлена дополнительно

Фатеева Н.А. (Москва)

Словотворчество на муфтолингве: Вилли Мельников.

Основной прием создания неологизмов у В.Мельникова – муфтолингва (или муфталингва) – позволяет порождать контаминированные образования из корней и основ, взятых из разных языков в разные исторические эпохи. Так, например, его «Верлибр на муфталингве: Вышивка шипящими» написан, как утверждает автор, на 78 языках. Более крупный жанр *лингвогобеленов* подразумевает «написание поэтического текста попеременно на различных современных и/или древних языках, оттеняющих и гармонизирующих друг друга». Причем каждая языковая форма отмечена определенным цветом. Из соположения смыслов корней из разных языков рождается многослойный образ, несущий коннотации разных языковых культур. Еще один тип гибридных новообразований – *интраксенолингвы* – образуется при помощи комбинации иероглифических написаний, кириллического, греческого, латинского и других алфавитов, в итоге создаются неологизмы-кентавры по принципу «симбиоза контрастов». В этом жанре возможна также комбинация визуальных композиций с иероглифическими и буквенными.

Фещенко В. (Москва), Э. Райт (Москва)

Языковые гибриды в экспериментальной прозе: авангардный роман-травелог о Советской России

В докладе речь пойдет об одном произведении гибридного жанра, написанном американским поэтом, прозаиком и художником Э.Э. Каммингсом (1894-1962), входящим в когорту пионеров англо-американского авангарда, наряду с Дж. Джойсом, Э. Паундом и Г. Стайн. Несмотря на широкую известность Каммингса, мало кому известен его роман-

отчет о путешествии в Страну Советов – “Eimi”, вышедший в 1931 году. Этот текст представляет собой уникальный гибрид литературных жанров – смешение модернистского романа потока сознания, путевых заметок и псевдо-документального отчета о путешествии. Внутри этого текста, смешивающего разные языки (английский, французский, немецкий, русский, греческий, латынь и др.) в некое подобие криптографической стенограммы, встречаются более локальные языковые гибридные образования. Мы рассмотрим, как функционируют смешанные формы в этом предельно гибридном тексте в масштабе всей его композиции.

Филатова Н.М. (Москва)

Политический либерализм в конституционном Королевстве Польском: французская форма и национальное содержание

Созданное в 1815 г. решением Венского конгресса Королевство Польское, по конституции связанное с Россией лишь династической унией, было своего рода гибридом конституционного парламентского государства и придатка самодержавной Российской империи. Его формальная государственная самостоятельность сочеталась с фактической зависимостью от российских должностных лиц, сохранение национальной символики, армии, языка, расцвет национальной культуры – с преследованием национально-освободительного движения. Российский самодержавный император в Королевстве Польском имел статус конституционного монарха. «Конституционными сенями в деспотических казармах» назвал это государственное образование П.А. Вяземский. Неудивительно, что и политическая оппозиция в Королевстве Польском приобрела смешанные формы. С одной стороны, либеральная оппозиция на сеймах, возглавляемая братьями Немоёвскими, избрала в качестве образца доктрину французского политического либерализма, основанную на приверженности букве конституции. С другой – западный образец служил лишь прикрытием для отстаивания национальных интересов и выражения оппозиции «чужой» власти. Демонстративный тип поведения польских оппозиционеров, прикрывавшихся учением Бенжамена Констан, коренился в польской сеймовой традиции. В докладе будет рассмотрено, как заимствованная из западноевропейской политической жизни форма политического поведения наполнилась национальным содержанием.

Цивьян Т.М. (Москва)

Ни то ни сё, нечто, что-то, тень, двойник... неопределенность/пограничность как инструмент гибридности

Еще одно обращение к теме *человек – не-человек*, индуцированное точной пушкинской формулировкой (о герое «Медного всадника»):

*...ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света,
Ни призрак мертвый...*

Универсальный мифологический мотив: опасность проникновения мира *мертвых* в мир *живых*, опасность тем большая, что оба мира зеркально отражают друг друга, и поэтому распознать пришельца, отличить не-человека от человека весьма сложно. В фольклорных традициях для этого существует набор специальных признаков, обеспечивающий однозначность выбора.

Художественная литература с благодарностью подхватывает этот более чем эффектный мотив, но ведет игру на неопределенности, амбивалентности, открытости (*...из черноты рембрандтовских углов / Склубится что-то вдруг и спрячется туда же, / Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже...*). Акцент ставится не на разоблачении, ведущем к спасению, а на постоянном смещении, на «ощущении присутствия» *чужого*, не отличимого от *своего*. *Но кто мы и откуда, когда ... нас на свете нет?* Такого рода «существование на грани» представляется одной из ипостасей *гибридного*, а дейктическая неопределенность – его инструментом.

Чаусидис Н. (Скопье)

Зооморфный мифический персонаж с руками в виде животных

В изобразительном искусстве среди множества гибридных зоантропоморфных персонажей можно найти изображения человека, чьи руки являются метаформой фрагментов животных или их целых фигур. Такие изображения характерны для железного века на Балканах, Апенинском полуострове и в Луристане. В античности они появляются редко, но вновь становятся частыми в средневековых европейских культурах («Днепровские зоантропоморфные фибулы, амулеты „змеевики“»). Причину такой гибридности и ее значение можно рассматривать на макрокосмическом и на микрокосмическом уровне. В докладе выдвигается предположение, согласно которому в обоих случаях пары зооморфных элементов символизируют определенные дуальные категории, проецированные на космос и на человека, и – аналогично рукам – они функционируют как активные компоненты. При этом сама антропоморфная фигура

представляет собой целостную идею (божество?), которой они подвластны и по чьей воле действуют.

Шарняи Ч. (Сегеде)

Гуськов-оборотень: система превращений как модель распада личности в повести В. Распутина «Живи и помни»

В повести В. Распутина «Живи и помни» имеет место своеобразная пространственно-временная структура, в которой большинство элементов сюжета приобретает смысл, раскрывающийся вне пределов деревенской, даже военной тематики. Она осмысляется в определенном хронотопе, который располагается вне исторического времени и реального пространства. Фигура главного героя Гуськова в этом хронотопе так же не может осмысляться лишь на основе его характера и поступков, изображенных на уровне сюжета. В писательскую концепцию личности героя входят такие элементы, которые основаны в первую очередь на мифологическом подтексте повести. Фигура Гуськова как дезертира, с одной стороны, имеет отношение к реальным историческим событиям, но вместе с тем приобретает атрибуты гибридного демонологического персонажа – оборотня. Разные стадии превращений героя (банник, леший, волк-оборотень и т.п.), переходящие одна в другую, моделируют различные аспекты его распадающейся личности.